

УДК 398.2(=511:142)

Т.В. Волдина

Отражение реинкарнации в фольклоре обских угров

Аннотация. Идея о реинкарнации, в виду ее сакральности, в фольклорных текстах обских угров представлена иносказательно. В зависимости от жанра информация передается по-разному и может касаться не только обычных людей, но и сверхъестественных мифических существ, а также первопредка. В героических текстах обычно повествуется о героях, которые завершили свой круговорот жизни-смерти, взяв на себя функции духов-покровителей. В сказках же реинкарнация происходит как чудесный акт преображения стариков в детей, или же мгновенное их омоложение.

Ключевые слова: обские угры, представления о реинкарнации, фольклор, ритуально-обрядовая практика, актуальные верования.

T.V. Voldina

The reflection of the idea of reincarnation in Khanty folklore

Summary. Folklore conveys the idea of reincarnation in veiled form, the most likely reason for this is its sacrality. On the example of presented Ob-Ugric folk stories we can clearly see that depending on the genre the information about the reincarnation can be transmitted in different ways. The reincarnation applies not only to ordinary people, but also to supernatural, mythical creatures, as well as the ancestor, woman Mos'. As a rule, heroic texts are about the ancestors who have completed their cycle of life and death, becoming deities, spirits, and protectors of their people. In fairytales the reincarnation occurs as a wonderful act of transformation of old men into children or their instant rejuvenation.

Keywords: Ob-Ugrians, idea of reincarnation, folklore.

Среди идей, лежащих в основе традиционного мировоззрения обских угров – представление о перевоплощении (или реинкарнации) человеческих душ. Занимая центральное место, она нашла свое выражение в ритуально-обрядовой практике, в семейно-бытовой сфере хантов и манси [1, 2, 3 и др.]. Ранее нами были рассмотрены вопросы бытования представлений о реинкарнации и связанных с ними обычаев (родильной и похоронно-погребальной обрядности) в традиционной среде казымских хантов [4, 5]. Информацию о том, что душа после смерти тела возрождается в другом теле, также можно встретить и в обско-угорском фольклоре: в текстах мифологического характера, в героических сказаниях и в сказках.

Душа в сознании хантов и манси – понятие тождественное жизнеобеспечивающему началу в человеке. В трудах этно-

графов зафиксировано, что жизненными силами в человеке считаются дыхание – лил и тень-облик или душа-тень – *ис*, *ис-хур*. *Лил* является основным жизнеобеспечивающим началом и имела самостоятельный внешний облик в виде крылатого существа (птицы, комара). *Ис-хур* трактуется в качестве проявления жизненных возможностей самого тела как материальной субстанции, которая тесно отождествлялась не только с самим телом, но и его «образами» – чувственно воспринимаемыми подобиями человека (его изображениями, отпечатками, отражением и т.п.).

С представлениями о душе связаны определенные числа и круг предметов, ее олицетворяющий. Так, число 5, а также такие атрибуты как лук, стрелы, нож соответствуют мужской душе. Число 4, игла, напёрсток, игольница являются символическим выражением, кодом

женской души. Эти символические обозначения человеческих душ фигурируют как в обрядово-ритуальной сфере, так и в фольклоре. Можно привести немало примеров на основе героических произведений, подтверждающих эти соответствия: «... И ни от семи девиц, семи жен, ни от одной женщины / У него не родилось ни сына-богатыря, держащего лук в руке, привычной к луку, / Ни дочери-девицы, держащей иглу и работающей концами пальцев...» [6, 160]. Или: «Долго ждал герой от семи жён сына, способного натянуть лук, дочь с иглой в руках, но напрасно...» [7, 3-9]. В героических сказаниях на Казыме, эпитетом сыновей является выражение «*картанг нёлы ар вур*» - «железных наконечников стрел многие грани» [8].

Указанный предметный ряд, ассоциирующийся с человеческой душой, возможно должен выглядеть гораздо шире, благодаря этому вносятся необходимые уточнения по характеру описываемой души. Особое значение, как в актуальных верованиях, так и в фольклорных текстах, имеют образы птиц и животных – как ипостасей героев и героинь, ставших позднее духами-покровителями, в образах которых их души могут совершать конкретные действия. Например, в героических песнях и сказаниях невеста в образе совы или другой птицы может оповестить жениха о месте своего нахождения, прежде чем он отправится туда в военный поход.

В мифологических сказаниях обских угров встречаются сюжеты, связанные с реинкарнацией героев. Их особенность в том, что возрождение героя (героини) происходит при участии самки животного, ставшей для него (неё) матерью, которая съедает растение, в которое на время воплотилась человеческая душа.

У северных групп хантов и манси широко распространён мифологический сюжет о живущей в лесу одинокой женщине Мось, которая возродилась благодаря медведице. Потеряв ценную для себя вещь (шубку с бубенчиками, сукно с бубенчиками и т.п.), она вынуждена отправиться на ее поиски [9, 87; 10, 59-65]. Вещь оказывается подвешенной на

дереве. По тексту угадывается, что речь идёт о мировом древе. Подсказкой этому является то, что дерево у его подножия охраняют особые волки или собаки (представители нижнего мира). В некоторых вариантах дерево сторожит укравшая вещьцу Пурнэ, в данном случае это человекоподобное сверхъестественное враждебное к героине существо. Волки (собаки) или Пурнэ становятся причиной гибели героини.

Далее повествуется о том, как душа героини даёт подсказку родственникам о своей физической гибели. В варианте сказания, записанного венгерским ученым Й. Папай у северных хантов в 1898-1899 гг. в районе Обдорска (старое название современного Салехарда), душа погибшей женщины Мось предстаёт каплей крови, докатившейся до домов сестёр, в другом варианте она даёт им знать о своей смерти стуком в дверь. После чего «... душа опять побрела ..., в свою собственную избушку, Там она проползла между многими шкурами диких зверей и многими шкурами куницы. Но напрасно заползала она туда, она не могла возродиться. Так и ушла опять из дома. Как раз земля начала обновляться, пришла весна. И душа женщины Мось заползла в землю. Там, где она заползла, скоро начал расти красный цветок» [9, 87]. Это растение пунрац или порых (кипрей, Иван-чай) съедает медведица, и «одинокая женщина Мосьнэ» возрождается вновь, родившись вместе с медвежатами. Она является фратриальным мифологическим предком северных обских угров. Реинкарнация первопредка в медвежьей берлоге, но в облике человека – один из важнейших сакральных мотивов, который среди известного ряда других лежит в основе существующего у обских угров развитого культа медведя [11].

Данный мифологический сюжет, наряду со сложившейся и устоявшейся в нём линией событий, в процессе развития приобретал дополнительные. Так, в одной мансийской версии, опубликованной Е.И. Ромбандеевой, Мощнэ погибает из-за своего проступка от рук мифического мужчины, ребенка которого унесло на льдине [12, 167-173] (подобный

сюжет зафиксирован и у шурышкарских хантов). По другой версии, в изложении хантыйской сказительницы Т.С. Вандымовой, описывается жизнь замужней женщины Мощнэ, нарушившей запрет и вынужденной блуждать в других мирах, а возвращение ее на землю оказалось следующим: «На землю ее отпустили, но не к своей семье, а совсем в другое место». И так же, как и в предыдущих версиях, она возрождается через медведицу в образе хантыйской девочки [13, 65-71].

Взаимодействие человеческих душ с «медвежьим миром» нашло отражение в актуальных верованиях восточных хантов, у которых существуют представления о повторном «приходе в дом» умершего родственника в облике добытого медведя [11].

В представленной выше версии Й. Папай повествуется также о том, что медведица и ее двое медвежат становятся добычей князя. Предвидя это, медведица наставляет свою человеческую дочь, что ей необходимо сделать, когда люди будут есть ее мясо. Наказ заключался в том, чтобы девочка сохранила целостность медвежьих костей, это было важно для реинкарнации медведицы и медвежат в звезды. Героиня выполнила просьбу матери-медведицы: «Она замечает, куда люди разбрасывают когти медведей, кедрововетвистые когти их рук, идёт туда, собирает их и все уносит в тихий лес на берегу. Там она их укладывает – пусть их души возродятся» [9, 89]. Мотив реинкарнирующейся медведицы, превратившейся вместе с медвежатами в созвездие, широко распространен у хантов и манси.

В сказании о богатырях города Сонг-хуша, записанного у хантов С.К. Паткановым в 1888 г. в сел. Шумиловские на р. Конде, повествуется о герое трижды возрождавшемся на земле. В первом случае он рождается сыном богатыря, но во время эпидемии вместе со своим отцом умирает. Придя из мира мертвых, превращается в репейник, который съедает самка оленя. У нее рождается три олененка (вторая реинкарнация), которых преследует сын небесного бога в облике волка. По его приказу один из оленят становится добычей охотника. Сердце и язык его съе-

дают княгиня-хозяйка и рабыня; от этого у хозяйки рождаются два сына, у рабыни – один (третья реинкарнация). Сыновья собирают войско и отправляются в путь за невестой... [6, 160-167]. Данный пример примечателен ещё и тем, что здесь отражено представление хантов и манси о том, что человеческая душа может воплотиться одновременно в нескольких людях.

Одним из мест пребывания души в теле человека обскими уграми указывается голова. Существовали обычаи особого отношения к волосам и головным уборам. В обско-угорских фольклорных текстах героического содержания упоминается о скальпировании погибших богатырей. Скальпирование – это древний обычай, направленный на то, чтобы побежденные не смогли больше возродиться. Но в одном из текстов, упоминается о том, что после гибели семи братьев-богатырей их скальпы были развешены на деревьях [14, 17-22]. Здесь также можно увидеть символическую связь с мировым деревом, которая прослеживается в обычаях обских угров подвешивать на деревья в берестяной ёмкости послед от новорожденного, в прошлом – хоронить на них умерших младенцев, а также шаманов. Дерево обладает живительной силой, связывает собой разные миры, способствует духовной защите, и, вероятно, возрождению.

В данном же тексте косвенно прослеживается связь между самым младшим из братьев-богатырей и родившимся после их смерти мальчиком –сыном старшего брата-богатыря. Некоторое время мальчик жил без имени, что можно трактовать как существование без души. Обнаружив развешенные на деревьях скальпы своих родственников, внимательно рассматривает их. Особенно его привлёк скальп младшего из братьев, о котором он узнаёт: «...таким храбрым был, если бы была у него кольчуга, если бы была у него сабля, он бы не пал перед стрелой, пущенной мужчиной». После этого контакта с душой богатыря он смог проявить себя: выстрелив из лука, нанизал на одну стрелу всю поднимающуюся на нерест рыбу и получил имя – Весенних Нерестящихся Нанизывающий Богатырь.

В данном тексте не говорится напрямую о реинкарнации. В то же время, косвенно передаётся информация, что к мальчику перешла сила погибшего богатыря, и он смог отомстить врагам, совершив невероятные подвиги, а после этого становится духом-покровителем [14, 17-22].

В героических сказаниях можно также встретить информацию, сопутствующую представлениям о реинкарнации души и имеющую важное значение в понимании воззрений обских угров на ее характер. Распространены сюжеты, когда герой посещает разные миры и возвращается назад. Чаще всего в этой роли выступает Ас тый ики (хант.), он же Мир-сусне-хум (манс.) – посредник между мирами, покровитель шаманской традиции. В фольклоре он носит разные замысловатые имена. Ярким примером такого сюжета является «Священное сказание о Желанном Богатыре Купце Нижнего Света, Купце Верхнего Света» [15, 105] и др.

В одном из подобных повествований («Подобно Осиновому Листу Верткий Муж») можно встретить характерные для обских угров представления о посмертных странствованиях души. Например, о том, как душа человека после его смерти обходит те места, где он бывал при жизни:

«Старик пришел и сказал:

- Я обошёл все семь возвышенных мысов, на которых я раньше бродил.

Пришла старуха и сказала:

- Семь боров, в которых я раньше гуляла, я все обошла» [16, 233].

В обско-угорских сказках смерть и повторное рождение после нее происходит очень быстро, при этом напрямую не указывается, что это смерть и последующее рождение, а преподносится как чудесная волшебная трансформация. Эта трансформация может являться преображением существ, олицетворяющих собой некие силы, иногда враждебные человеку, а также касается самих людей.

В первом случае, ярким примером может служить распространённый у обских угров мотив сжигания лесной ведьмы (Кир-нюлуп ими, хант), иногда злого менгква или Пор-нэ, и превращение их пепла в комаров. Людоедская сущность

здесь не исчезает, а преобразуется, трансформируется и находит своё выражение в появлении досаждающих людям кровососущих насекомых.

В отношении обычных людей трансформационные изменения в сказках выглядят несколько иначе. Например, в одном из текстов герои (два брата и сестра) после испытаний возвращаются в дом людей, которые их вырастили. Но прошёл уже очень большой срок времени: «Когда пришли домой, смотрят: в избе три угла обвалились, только один угол держится. Если зимой пришли, последнюю горящую искру в чувале снегом засыпали, если летом пришли, водой капнули, и потухла последняя искра в чувале...». Далее: «Мать и отец выскочили из избы. Только выскочили, подхватили их, подбросили, за облака летали, вниз когда упали, маленьким мальчиком и девочкой стали» [17, 52].

Или такой пример: «...В бабушкином доме из чувала маленький дымок идёт... Три угла дома обвалились, один угол дома остался.... У бабушки остался маленький огонёк, этот уголёк она из одной руки в другую перекачивает... Бежит она к внуку. Внук поддел ее носком обуви, пнул, запрокинула она голову, упала вниз и стала, оказывается, маленькой» [18].

Подобные концовки являются традиционными:

«А свекр со свекровью до того состарились, ничего уже не понимают! Посадил их сын на носок ноги и подбросил кверху. Улетели они в небо. Летали, летали, упали на землю и вновь помолодели» [19, 41-46].

И еще один пример, где при возвращении героя к матери также типичными приемами всегда вначале описывается ее старость: «... у матери осталась единственная искорка огня...», после встречи: «Сын толкнул ее ногой и отбросил. На этом конце поля она заплакала, с того конца поля появилась. Она стала трехлетней маленькой женщиной, углы ее платка стелятся внизу...» [20, 100].

В героических сказаниях также встречаются подобные мотивы, но если в сказках – это, как правило, концовки,

то в больших повествованиях, они могут встретиться в середине текста: «Они прибыли к первой тетке. Видят, что эта старуха уже трясется от старости. Его жена толкнула ее на землю, подняла, и эта старуха сделалась молодой и красивой женщиной...» [21, 235]; «...Старик подбежал, чтобы обнять своего сына; сын его бросил на землю, и он стал молодым, красивым мужчиной. Старуха побежала, чтобы обнять его жену; невестка ее толкнула на землю и подняла – та превратилась в молодую и красивую женщину...» [21, 236].

Обско-угорский фольклор (в статье представлены были примеры фольклорных произведений северных групп) передает идею о реинкарнации обычно в завуалированной форме, наиболее вероятной причиной этого является ее сакральность. Принципиальных отличий между северо-мансийскими и северо-хантыйскими представлениями о реинкарнации и их символическом выражении в текстах нет. На примере представленных фольклорных сюжетов хорошо видно, что в зависимости от жанра

информация о перевоплощении душ может передаваться по-разному. В мифологических сказаниях перевоплощение касается не только обычных людей, но и сверхъестественных мифических существ, а также первопредка, в данном случае женщины Мось (Мощ). В героических текстах, как правило, речь идет о предках, которые завершили свой круговорот жизни-смерти, став божествами, духами-покровителями своего народа. Так, в одном из приведенных примеров, душа погибшего героя, несмотря на меры врагов, направленных на то, чтобы богатыри не возродились вновь, дает возможность своему потомку отомстить за себя и своих братьев и стать покровителем своего рода. В сказках же реинкарнация происходит как чудесный акт преображения стариков в детей, или же мгновенное их омоложение.

Общеизвестно, что фольклор является отображением жизни народа и существующих в ней идей, в то же время, содержащиеся в нем представления, находили отражение в актуальных верованиях и способствовали их дальнейшему развитию.

Литература

1. Карьялайнен К.Ф. Религия югорских народов / Пер. с нем. Н.В. Лукиной. Томск, 1994. Т. 1. 152 с.
2. Чернецов В.Н. Представления о душе у обских угров // ТИЭ. Нов. сер. 1959. Т. 51. С. 114-156.
3. Зенько А.П. Представления о сверхъестественном в традиционном мировоззрении обских угров. Структура и вариативность. Ч. 2. Новосибирск: Наука, Сибирское предприятие РАН, 1997.
4. Волдина Т.В. Представления о реинкарнации в традиционной культуре обских угров // Summatoria acroasiuminsectionibus. Congressus XI. Internationalis Fenno-Ugristarum Piliscsaba, 9-14. VIII. 2010. Pars II. Piliscsaba, 2010. С. 186-187.
5. Волдина Т.В. Представления о перевоплощении душ в традиционной культуре казымских хантов (проблемы записи и интерпретаций сакральных сведений) // Этнографическое обозрение. – 2010 (6). – №3. – С. 32-43.
6. Богатыри города Сонг-хуша // Мифы, предания, сказки хантов и манси / Сост., предисл. и примеч. Н.В. Лукиной. М.: Наука. Главная редакция восточной литературы, 1990. С. 160-167.
7. Кулемзин В.М. Отношения человек-вещь в хантыйской культуре // Космос Севера. – 2002. – Вып. 3. – С. 3-9.
8. Молданова Т.А. Символическая функция металла в культуре хантов // Молданов Тимофей, Молданова Татьяна. Очерки традиционной культуры хантов: избранное. Ханты-Мансийск: ООО «Типография «Печатное дело», 2010. С. 200-219.
9. Женщина Мось // Мифы, предания, сказки хантов и манси / Сост., предисл. и примеч. Н.В. Лукиной. М.: Наука. Главная редакция восточной литературы, 1990. – С. 84-90.
10. Как сделали первый медвежий праздник // Земля Кошачьего Локотка. Кань Кунш Олән / Тимофей Молданов. Томск: Изд-во Том.ун-та, 2003. С. 59-65.
11. Шмидт Е. Традиционное мировоззрение северных обских угров по материалам культа медведя: Дис. ... канд. ист. наук. Л., 1989. 226 с.

12. Маленькая женщина Мбшчнэ // Ромбандеева Е.И. История народа манси (вогулов) и его духовная культура. Сургут: АИИК «Северный дом» и Северо-Сибирское региональное кн. изд-во, 1993. С. 167-173.
13. Маленькая женщина Мощ // Сказки Вандымовой Татьяны Ксенофоновны / Сост. С.Д. Дядюн. - Ханты-Мансийск: Изд-во Юграфика, 2012. С. 65-71.
14. Младший внук купца // Земля Кошачьего Локотка. Кань Кунш Олән / Тимофей Молданов. Томск: Изд-во Том.ун-та, 2003. С. 17-22.
15. Священное сказание о Желанном Богатыре – Купце Нижнего Света, Купце Верхнего Света // Мифы, предания, сказки хантов и манси / Сост., предисл. и примеч. Н.В. Лукиной. М.: Наука. Главная редакция восточной литературы, 1990. С. 105-125.
16. Подобно Осинovому Листу Верткий Муж // Мифы, предания, сказки хантов и манси / Сост., предисл. и примеч. Н.В. Лукиной. М.: Наука. Главная редакция восточной литературы, 1990. С. 220-237.
17. Младший внук царя // Земля Кошачьего Локотка. Кань Кунш Олән / Тимофей Молданов. Томск: Изд-во Том. ун-та, 2003. С. 52-59.
18. Сказки Гришкина Геннадия Григорьевича / Зап. Е.Шмидт, пер. с хант. П.Т. Тарлина. Ханты-Мансийск: Новости Югры, 2012.
19. С неба спустившаяся девушка // Лонгтортова З.В. Монсян мув. Земля сказок. Салехард: Красный Север, 2008. С. 41-46.
20. Камень семпыр // Мифы, предания, сказки хантов и манси / Сост., предисл. и примеч. Н.В. Лукиной. М.: Наука. Главная редакция восточной литературы, 1990. С. 94-101.

References

1. Kar'yalaynen K.F. Religiya yugorskikh narodov / Per. s nem. N.V. Lukinoy. Tomsk, 1994. T. 1. 152 s.
2. Chernetsov V.N. Predstavleniya o dushe u obskikh ugrov // TIE. Nov. ser. 1959. T. 51. S. 114-156.
3. Zen'ko A.P. Predstavleniya o sverkh'estestvennom v traditsionnom mirovozzrenii obskikh ugrov. Struktura i variativnost'. Ch. 2. Novosibirsk: Nauka, Sibirskoe predpriyatie RAN, 1997.
4. Voldina T.V. Predstavleniya o reinkarnatsii v traditsionnoy kul'ture obskikhugrov // Summaria acroasium-insectionibus. Congressus XI. Internationalis Fenno-Ugristarum Piliscsaba, 9-14. VIII. 2010. Pars II. Piliscsaba, 2010. S. 186-187.
5. Voldina T.V. Predstavleniya o perevoploshchenii dush v traditsionnoy kul'ture kazymsskikh khantov (problemy zapisi i interpretatsiy sakral'nykh svedeniy) // Etnograficheskoe obozrenie. – 2010 (b). – №3. – S. 32-43.
6. Bogatyri goroda Song-khusha // Mify, predaniya, skazki khantov i mansi / Sost., predisl. i primech. N.V. Lukinoy. M.: Nauka. Glavnaya redaktsiya vostochnoy literatury, 1990. S. 160-167.
7. Kulemzin V.M. Otnosheniya chelovek-veshch' v khantyyskoy kul'ture // Kosmos Severa. – 2002. – Vyp. 3. – S. 3-9.
8. Moldanova T.A. Simvolicheskaya funktsiya metalla v kul'ture khantov // Moldanov Timofey, Moldanova Tat'yana. Ocherki traditsionnoy kul'tury khantov: izbrannoe. Khanty-Mansiysk: ООО «Tipografiya «Pechatnoe delo», 2010. S. 200-219.
9. Zhenshchina Mos' // Mify, predaniya, skazki khantov i mansi / Sost., predisl. i primech. N.V. Lukinoy. M.: Nauka. Glavnaya redaktsiya vostochnoy literatury, 1990. – S. 84-90.
10. Kak sdelali pervyy medvezhiy prazdnik // Zemlya Koshach'ego Lokotka. Kan' Kunsh Olän / Timofey Moldanov. Tomsk: Izd-vo Tom.un-ta, 2003. S. 59-65.
11. Shmidt E. Traditsionnoe mirovozzrenie severnykh obskikh ugrov po materialam kul'ta medvedya: Dis. ... kand. ist. nauk. L., 1989. 226 s.
12. Malen'kaya zhenshchina Mōshchne // Rombandeeva E.I. Istoriya naroda mansi (vogulov) i ego dukhovnaya kul'tura. Surgut: AIIK «Severnnyy dom» i Severo-Sibirskoe regional'noe kn. izd-vo, 1993. S. 167-173.
13. Malen'kaya zhenshchina Moshch // Skazki Vandymovoy Tat'yany Ksenofontovny / Sost. S.D. Dyadyun. - Khanty-Mansiysk: Izd-vo Yugrafika, 2012. S. 65-71.
14. Mladshiy vnuk kuptsa // Zemlya Koshach'ego Lokotka. Kan' Kunsh Olän / Timofey Moldanov. Tomsk: Izd-vo Tom.un-ta, 2003. S. 17-22.
15. Svyashchennoe skazanie o Zhelannom Bogatyre – Kuptse Nizhnego Sveta, Kuptse Verkhnego Sveta // Mify, predaniya, skazki khantov i mansi / Sost., predisl. i primech. N.V. Lukinoy. M.: Nauka. Glavnaya redaktsiya vostochnoy literatury, 1990. S. 105-125.
16. Podobno Osinovomu Listu Vertkiy Muzh // Mify, predaniya, skazki khantov i mansi / Sost., predisl. i primch. N.V. Lukinoy. M.: Nauka. Glavnaya redaktsiya vostochnoy literatury, 1990. S. 220-237.
17. Mladshiy vnuk tsarya // Zemlya Koshach'ego Lokotka. Kan' Kunsh Olän / Timofey Moldanov. Tomsk: Izd-vo Tom. un-ta, 2003. S. 52-59.
18. Skazki Grishkina Gennadiya Grigor'evicha / Zap. E.Shmidt, per. s khant. P.T. Tarlina. Khanty-Mansiysk:

Novosti Yugry, 2012.

19. S neba spustivshayasya devushka // Longortova Z.V. Monsyan mov. Zemlya skazok. Salekhard: Krasnyy Sever, 2008. S. 41-46.

20. Kamen' sempyr // Mify, predaniya, skazki khantov i mansi / Sost., predisl. i primech. N.V. Lukinoy. M.: Nauka. Glavnaya redaktsiya vostochnoy literatury, 1990. S. 94-101.